
ЛИНА МАК
ТЫ БЫЛА
хорошей девочкой
В ЭТОМ ГОДУ?
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
P.S. твой Добров

Лина Мак

Ты была хорошей девочкой в этом году? P.S. Твой Добров

«Автор»
2026

Мак Л.

Ты была хорошей девочкой в этом году? P.S. Твой Добров / Л. Мак — «Автор», 2026

– Отойди, – шепчу я нервно, хотя должна его ненавидеть.– Куда же, куколка? – нагло скалится Ким и медленно надвигается на меня.Полы шубы Деда Мороза распахнуты, и я отчётливо вижу его литую грудь с витиеватыми татуировками.– Я твой Дед Мороз. Сегодня буду исполнять желания, – его улыбка начинает напоминать оскал, и меня передёргивает, а он добавляет: – Свои.– Ты идиот? – взвизгиваю я и отскакиваю за кресло, когда понимаю, что между нами слишком мало преград. – Иди другим исполняй. А ко мне больше не прикасайся!– Я исполняю желания только хороших девочек, куколка. Ты же была хорошей в этом году?А в следующий миг кресло отъезжает в сторону, а я уже вжата в его горячую грудь и, самое ужасное, мне это нравится.

© Мак Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 18
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Лина Мак
Ты была хорошей девочкой в этом году? P.S. Твой Добров

Глава 1

***

– Ким, вот скажи мне, что на тебя нашло? Нахера устраивать эти танцы с бубнами? – обречённо спрашивает Кара, мой друг и напарник по жизни.

Хотя последние полтора месяца я нахожусь в плотных раздумьях: убить его или пожалеть.

Но если я его грохну, меня закопают рядом. Точнее, закопает одна-единственная валькирия. Белобрысая ведьма. Ну или та, кто вынула сердце этого дебила и хранит в своём личном ящике Пандоры.

– А ты уже закончил со своими танцами? – спрашиваю у него в ответ и смотрю на здание гостиницы, в которой сегодня проходит корпоратив у сотрудников компании «Муромский».

– Я в процессе, – отвечает Кара, чуть нахмурившись.

– Ну вот иди и продолжай процесничать, а меня не трогай, – гаркаю на друга и тянусь назад, чтобы достать дебильную белую бороду и колпак Деда Мороза.

– Давай, может, и правда поговорим с Муровым? – снова предлагает он вариант, который я уже опробовал, но другу в этом позоре не признаюсь.

Я так не бегал лет двадцать, с тех пор как в последний раз сматывался из женской общаги в одних трениках, ранней весной.

А тут оказалось, что Михаил Муров только с виду добрый и приветливый мужик. Пока дело не касается его дочери. Если кто-то видел медведя с гармошкой на ярмарке, который мог сорваться в любую минуту и распороть брюхо недоброжелателю, то поймёт меня.

Я же пришёл без оружия, с добрыми намерениями. Не зря ведь Добров.

А вышло…

– Мне не с ним жить, Кара, – огрызаюсь я, чувствуя, как в кармане вибрирует мобильный.

– Вообще-то, это похищение, ты же понимаешь?

– Будешь пиздеть, пойдёшь как соучастник, – рычу и довольно скалюсь, прочитав сообщение, что Злата пошла к лифтам, которые ведут в номера.

– Я, блядь, и так соучастник, – вздыхает Кара и кладёт руки на руль. – А ведь только решил больше не грешить.

– Смирись, – нервно ржу я. – Мы уже и так знатно нагрешили, раз Бог решил нас наградить такими женщинами.

– Ой, иди нахер, – бурчит Кара. – И давай быстрее. У меня на сегодня ещё планы.

У него планы, а у меня жизнь рушится и мозоль на руке уже два месяца. Я же, сука, благородный рыцарь. Больных и раненых не трогаю. Лечу, выхаживаю, на ручках ношу, а потом уже… Да ни с кем я не хотел этого «потом».

А тут переклинило так, что я подыхал без неё всё это время. Так что пора возвращаться и показывать, что терпение у Добровых отсутствует напрочь.

Захожу в холл и сразу же замечаю у стойки ресепшен своего человека. Он нагло клеит симпатичную администраторшу.

Подхожу, и он сразу же отстраняется, но успевает что-то шепнуть девчонке на ухо, отчего та краснеет. А потом уже добавляет громче:

– Это сюрприз в номер для одной постоялицы. Заказ от подруг.

Мы вместе выдвигаемся к лифтам. И стоит створкам сомкнуться, как мне в карман шубы Деда Мороза опускается ключ-карта от заветного номера.

– В номере у тебя будет около часа времени, – чётко произносит Сава. – Пока охрана Мурова в ресторане.

– Мне хватит.

Сава – парень умный. Больше не отсвечивает.

Стоит створкам разъехаться на нужном этаже, как сердце заходится в бешеной скачке. И я, как зверюга, срываюсь.

По запаху чувствую, где моя куколка. Пальцы покалывает от предвкушения снова сжать её. В башке начинает шуметь. А нижняя – так вообще отказывается слушаться. Но я это переживу. А вот ещё один день без неё – не факт.

Достаю ключ и быстро провожу им по картридеру. Дверь тихо пищит и впускает меня в номер.

В нос сразу бьёт знакомый запах, от которого щекочет ноздри. Сука, чувствую себя конченым фетишистом. Мне бы уже вести себя прилично, но маман всегда говорит, что первые сорок лет жизни мужчины самые сложные. А на мне природа вообще оторвалась по полной.

Закрываю за собой дверь и стягиваю дебильную шапку и бороду, в которой уже упарился. Развязываю пояс на шубе и вдыхаю полной грудью.

Прислушиваюсь к звукам и понимаю, что моя куколка в душе. Фантазия сразу начинает рисовать такие яркие картинки, что приходится несколько раз встряхнуть головой.

Прохожу в комнату и сразу замечаю кресло. Аккуратно поднимаю его, чтобы не шуметь, и ставлю почти у входной двери, чтобы не сбежала.

Сажусь и пытаюсь успокоиться. Но выходит хреново.

Я собираюсь сейчас украсть себе жену. Она пока об этом не знает, да и нет таких традиций у нас, но выхода у меня нет. А обычай наших горных братьев «украл – женись» мне нравится всё больше.

Я слышу, как в ванной перестаёт литься вода. Тяжёлый вздох моей куколки. И шуршание ткани.

Дверь из ванной открывается, и она выходит, вытирая влажные волосы полотенцем, а второе обёрнуто вокруг её тела.

Мать моя женщина! Это чтобы я сдох до осуществления своего плана?

И, вероятно, я что-то делаю слишком громко. Либо сглатываю, либо член аплодирует стоя этому великолепному, божественному созданию. И это самое создание замирает.

На губах растягивается улыбка, и я жду, когда она повернётся.

Злата медленно оборачивается, а я замечаю, как в тёплом свете настольных ламп и нижнего освещения номера по её ножкам бегут мурашки.

Она застывает, полностью развернувшись ко мне, и вцепляется подрагивающими пальчиками в полотенце на груди, а то, которым вытирала волосы, падает на пол.

– Привет, куколка, – говорю я тихо, но и сам слышу, как довольно вибрирует голос. – Ты была хорошей девочкой в этом году?

_____

Мои дорогие читатели!

Добро пожаловать в историю Доброва (простите за тавтологию)

Ох, это будет интересно, весело, немного страшно. Но только немного! Чтобы наш Акимка понял, что грешил он всё же знатно!

Для тех, кто видит меня впервые или только наткнулся на эту историю, рассказываю:

Эта книга входит в мой горячий цикл «Хочу я мужика!».

В цикле собраны истории о самых разных героях, но им всех не скучно, пока они идут к своему счастью!

Если вам будет что-то не понятно, то лучше начинать читать из книги о друге Акима, Каре (он же Караев Лев) «Её Лев. Капкан на хищника».

Ну а тем, кто пришёл сюда за хорошим настроением с капелькой придури и отчаяния, добро пожаловать!

Нам точно не будет скучно встречать этот Новый год!

И да, готовьте свои записочки с желаниями. Вдруг и к вам заскочит вот такой Дедушка Добров)))!

С любовью, Лина!

Глава 2

***

Мне это снится.

Точно снится. Я выпила два бокала шампанского на корпоративе, где папа произнёс тост про «нашу компанию, как одну большую семью», а я решила, что больше не хочу чувствовать на себе сальные взгляды папиных замов и сбежала в номер. Приняла душ, и теперь мне снится кошмар. Причём качественный, с полным погружением. Даже запах есть.

Его запах.

Закрываю глаза и крепко зажмуриваюсь. Я сейчас проснусь и всё закончится. Это просто шампанское выпустило моих демонов из закрытого подвала и решило снова поиздеваться надо мной. Два месяца я учила себя не вспоминать, как пахнет эта сволочь, а они взяли и воспроизвели всё до последней молекулы.

– Злата, – мурчит сон из кресла у двери, а у меня по коже бегут мурашки, размером с крокодила. – Ты молчишь так громко, что я слышу, как у тебя мысли бегают.

Резко открываю глаза и ничего не меняется.

Только эта сволочь сидит, развалившись в кресле, как у себя дома. В красной шубе Деда Мороза, которая распахнута, а под ней ничего. Голая, широкая грудь, с витиеватыми татуировками, которые я помню, будто видела вчера. На полу валяется белая борода, а колпак висит на подлокотнике, как трофей.

Злата, бери себя в руки немедленно! И гони его в шею. Или в живот. Или… боже, ну почему пальцы начинает покалывать от желания коснутся его кожи?

Ой, фу-фу-фу! Брысь! Он предатель!

– Как ты сюда попал? – выдавливаю я из себя наконец-то.

Вот только голос писклявый, как у мышонка. Боже, какой позор, Мурова. Ты столько недель репетировала эту встречу. В твоей голове ты была ледяной королевой, которая бросает ему в лицо колкую фразу и уходит, цокая каблуками. А по факту ты стоишь мокрая, в одном полотенце, и пищишь.

– Через дверь, – невозмутимо отвечает он. – Я же приличный.

– Приличные стучат, Добров, – отвечаю уже жестче.

Вот. Это уже больше похоже на мои фантазии, но ещё не идеально.

– Приличные стучат, когда им откроют, куколка, – а вот он улыбается, да так нагло, что я сильнее сжимаю руками полотенце на груди. – А ты бы не открыла.

Не открыла бы. Я бы вызвала охрану, папу, полицию и, если нужно, ОМОН. И стояла бы за дверью, пока его не увезли бы в наручниках.

Наверное.

– Вон, – говорю я и тычу пальцем в дверь.

И опять конфуз, зараза. Палец дрожит.

– Не-а, – довольно тянет Аким, как будто я с ним в игру поиграть решила.

– Аким, я сейчас закричу, – взвизгиваю я.

– Кричи, – он медленно поднимается из кресла.

Ой, мамочки. Я как-то забыла за это время, какой он большой. Он встаёт, и номер сразу становится маленьким, как кукольный домик. А шуба на его плечах кажется не костюмом, а мантией какого-то северного варвара, который пришёл забирать дань.

– Кричи громче, – продолжает он и делает шаг ко мне. – Охрана твоего папы внизу, в ресторане, пляшет под «Ласковый май». Пока они добегут, я успею тебе сказать всё, что хотел. А хотел я многое, Злата. Два месяца копил.

– Мне не интересно, что ты хотел.

– Ага, – он делает ещё шаг. – Поэтому ты меня и заблокировала везде. Очень неинтересно, да?

Я отступаю. Пятка натыкается на край кровати.

– Не подходи.

– Почему?

– Потому что я тебя ненавижу, – выпаливаю я и память сразу подсовывает момент, который и разорвал мне сердце.

И вот тут что-то меняется. Улыбка не исчезает, нет. Она остаётся на губах, но глаза... Глаза темнеют. А я вспоминаю момента, как он уже однажды дрался за меня. Как я видела его диким и необузданным.

– Повтори, – говорит он тихо.

А я уже не могу остановиться. Два месяца молчания прорывает плотину.

– Ненавижу! – мой голос срывается. – Наглый блядун. Ты лежал со мной рядом, Аким, ночами. Держал за руку. Рассказывал про своё девство. Кормил меня супом с ложки. Сказал, что раненых не трогаешь, что это не по-мужски. А потом, когда раненая отвернулась, пошёл трогать здоровых!

Он замирает на месте, будто я его треснула. Даже не моргает.

– Что? – спрашивает он очень медленно.

– Не делай вид, что не понимаешь! Я видела всё! – шиплю на него.

И память, как завистливая подружка снова возвращается меня на два месяца назад. В тот день, когда я поняла, что оказывается и не любила никогда.

Но настоящая любовь оказалась только у меня, а у этой сволочи только член бы куда потыкать.

Хотя нужно отдать должное нашему отдыху с моей лучшей подругой Викой Чернобор. Перезагрузка у нас вышла знатная. На всю жизнь запомним.

В тот день, когда я уехала с туристической базы, я искала его. Искала моего Акима, который меня спас. Я видела, что вокруг закручивается какая-то ужасная сцена с судьбой моей подруги, и сама ощущала приближение чего-то ужасного. Я хотела просто увидеть его. Просто услышать его голос.

Я ковыляла на костыле, потому что нога ещё болела, мимо домиков женской группы, и тут дверь одного из них распахнулась. И оттуда вылетел Аким. Растрёпанный, в расстёгнутой рубашке. И, не заметив меня, сорвался на бег в сторону причала, где во время тура у нас проходили медитации.

А следом на крыльцо вышла Крылова. Одна сука, которая всё время ходила и пускала слюни на отряд мужчин.

И эта сука выскочила с размазанной помадой. Волосы дыбом. И она поправляла грудь в вырезе майки так, будто её только что из этой майки вынимали.

А когда увидела меня, расплылась в улыбке и пошла навстречу. Медленно. Довольно.

– Ой, Златочка, – пропела она. – Ты его ищешь? Не ищи, зайка. Он занят был. Всё время пока ты больная здесь ходишь и в облаках летаешь, он был со мной. Ну а что ты хотела, солнышко? Мужику нужна нормальная женщина, а не серая моль на костыле. Он мне сам сказал, что с тобой из жалости возится. Подружка у тебя крутая, вот его шеф и попросил приглядеть.

Я не помню, что ответила. Помню только, что не заплакала при ней. Доковыляла до домика, села на кровать, достала телефон и заблокировала его везде. Пальцы не дрожали, но внутри было так больно, что я чуть не задохнулась. Это я потом уже, в машине у папы, поняла, что не чувствую рук, когда мы с Викой просто молчали и задыхались от эмоций.

Вздрогнула и снова и почувствовала знакомую тупую боль. Подняла на Акима взгляд и выпалила.

– Крылова, та что все время тура не сводила с вас глаз, – говорю я и сама слышу, как противно звучит эта фамилия. – Ты выскочил из е номера. В расстёгнутой рубашке. А она вышла следом и сиськи поправляла. И рассказала, как ты со мной из жалости был, потому что Караев попросил.

Глаза у Акима становятся просто огромными, а потом начинает ржать.

Не смеяться. Ржать. Запрокинув голову, держась за живот, так, что шуба съезжает с одного плеча.

У меня внутри всё вскипает.

– Тебе смешно?! – я хватаю первое, что попадается под руку, подушка с кровати, и швыряю. Он ловит её одной рукой, даже не глядя. – Тебе, сволочь, смешно?!

– Злата, – он вытирает глаз, всё ещё вздрагивая от смеха. – Куколка моя. Солнышко. Ты из-за этой дуры меня два месяца динамила?

– Я тебя не динамила! Я тебя забыла!

– Ага, – довольно кивает Аким и пробегается по мне слишком выразительным взглядом. – Будем считать, что я тебе поверил.

Я открываю рот. Закрываю. Чувствую, как кровь бросается к щекам так, что, кажется, полотенце сейчас задымится.

– Ты больной придурок, – рычу на него.

– Влюблённый, – поправляет он. – У Добровых это одно и то же, маман так говорит.

Он делает шаг. А я понимаю, что отступать мне больше некуда. Позади кровать. Справа стена. Кресло теперь у двери, а рядом только письменный стол.

Я скольжу вбок, к нему. А Аким поворачивается за мной, как хищник за добычей. Лениво. Неторопливо.

– Я тебе писал каждый день, куколка, – его голос становится слишком спокойны, и мне это не нравится.

– Я ничего не получала, – шепчу я, а должна кричать и гнать его.

Аким смотрит на меня долго. Очень долго. А потом медленно выдыхает сквозь зубы и что-то бормочет. Я различаю только «медведь» и «гармошка».

– Ладно, – говорит он. – С этим я тоже разберусь.

– С чем?

– Потом, – отмахивается он. – Сейчас у нас с тобой другие дела.

– Какие ещё дела? – я пячусь к столу, но он уже рядом.

– Предлагаю тебе честный обмен: ты едешь со мной, а тебе рассказываю всё от начала и до конца, – уверенно заявляет этот бессовестный манипулятор.

– А штаны не снимешь для большей убедительности, – вот теперь я снова злюсь, потому что начинаю задыхаться от его запаха.

Отступаю ещё и вжимаюсь в край стола. Полотенце держится на честном слове и моих сжатых пальцах. А руки Акима упираются по обе стороны от меня в столешницу.

– Отойди, – шепчу я нервно, хотя должна его ненавидеть.

А я и ненавижу. Честно. Почти.

– Куда же, куколка? – скалится он.

И медленно наклоняется. Так медленно, что я успеваю рассмотреть каждую чёрточку его лица. Новый шрам над бровью, которого не было в горах. Борода стала длиннее. Тени под глазами. Он тоже не спал. Он тоже...

Не смей, Злата. Не смей его жалеть.

– Ты не имеешь права, – говорю я ему в губы.

– Знаю, – отвечает он. – Поэтому я и не прошу.

Его ладонь ложится мне на щеку. Горячая, шершавая. Большой палец медленно ведёт по скуле, туда, где два месяца назад был синяк. Будто проверяет, всё ли зажило.

И я, дура, закрываю глаза.

– Злата, – выдыхает он. – Ты же была хорошей девочкой в этом году?

– Я тебя ненавижу, – шепчу я, не открывая глаз.

– Я это исправлю, – говорит он довольно.

Но ответить я не успеваю, потому что его губы накрывают мои. И это совсем не поцелуй из моих снов, где он нежный и осторожный, как тогда, когда кормил меня с ложки. Это голод. Он целует так, будто пришёл забрать то, что ему недодали, с процентами.

А я, вместо того чтобы врезать ему коленом, как учила Вика, вцепляюсь пальцами в мех его шубы и тяну на себя.

Полотенце медленно ползёт вниз. И где-то на краю сознания звенит одна-единственная мысль, жалобная и ужасно трезвая: «Мне опять будет больно».

А потом в дверь номера стучат. Три коротких удара.

– Шеф, – глухо раздаётся голос за дверью, и я его сразу узнаю. – Охрана Мурова поднимается. Двое. Вошли в лифт. У вас две минуты.

Аким отрывается от моих губ. Смотрит на меня сверху вниз потемневшими, совершенно безумными глазами.

И улыбается.

– Ну что, куколка, – говорит он и одним движением скидывает шубу с плеч и закутывает меня в неё прямо поверх полотенца. – Поехали. Подарки получать.

Глава 3

***

Две минуты.

Сто двадцать секунд, чтобы вынести из номера одну мокрую, злую, завёрнутую в мою шубу Деда Мороза куколку, которая в эту секунду пытается выцарапать мне глаза.

Справлюсь. Я на учениях и не такое выносил. Правда, там никто не кусался.

– Пусти! – шипит Злата и лупит меня кулачком по плечу. – Аким, я кому сказала! Поставь меня!

– Поставлю, – соглашаюсь я и закидываю её на плечо, как мешок с мандаринами. – В загсе. На ковёр. Аккуратно.

– В каком, нахрен, загсе?!

Ох, куколка. Когда же ты материться-то научилась? Два месяца без меня, и девочка испортилась. Надо срочно исправлять.

– Это потом обсудим, – хлопаю её по попе. Тактильные ощущения не очень, через эти слои ткани, но я потом решу эту проблему. – Не дрыгайся, солнышко, ты меня по почкам лупишь.

– Я тебе их сейчас отобью! Обе!

– Одну оставь. На свадьбе пить ещё.

Она визжит что-то нечленораздельное и вцепляется зубами мне в плечо. Больно, зараза. Но приятно. Очень, сука, приятно. Надо будет потом обсудить с ней эту привычку в более подходящей обстановке.

Сава распахивает дверь и смотрит на нас с выражением лица человека, который уже составил завещание.

– Служебная лестница, – выдыхает он. – Камеры я отключил на десять минут. Шеф, аккуратнее. Я же уже латал вашу Злату.

– Знаю, – обрываю я. Она до сих пор чуть прихрамывает. Заметил, когда она отходила от меня. Поэтому и на плече, а не на своих двоих. – Иди вперёд.

– Сава! – Злата поднимает голову с моего плеча. – Савочка, миленький, ты же хороший! Помоги мне!

Сава смотрит на неё. Потом на меня. Потом снова на неё.

– Простите, Злата Михайловна, – говорит он виновато. – Но он мне зарплату платит.

– Я тебе больше заплачу!

– А он меня закопает, – вздыхает Сава и уходит к лестнице.

Умный мальчик. Премию выпишу.

Десять этажей вниз. По бетонной лестнице. С куколкой на плече, которая за это время успевает:

пообещать меня кастрировать – трижды;

позвать на помощь – один раз, но так тихо, что сама же, по-моему, испугалась, что услышат;

сказать, что Вика найдёт меня и сделает из моих ушей подставку для ножей;

сказать, что её папа найдёт меня и сделает из всего остального фарш;

и один раз, на середине пути, перестать вырываться и уткнуться носом мне в шею.

Ровно на один пролёт.

Потом опомнилась и снова начала лупить.

Но я этот момент себе на сердце выжгу. У самого чуть инфаркт не случился от переизбытка эмоций.

– Ты понимаешь, что это похищение? – пыхтит она, когда мы уже спускаемся и сворачиваем к служебной лестнице.

– Понимаю.

– Это статья!

– Знаю. Сто двадцать шестая. До пяти лет. А при группе лиц по сговору – до двенадцати, – послушно перечисляю я. – Кара тоже в курсе, что он группа лиц. Он очень рад.

– Ты псих, – пищит моя куколка.

– Я бывший мент, Златочка. Я эту статью наизусть знаю. Поэтому и иду на неё осознанно. Это называется «умысел».

– Ты больной, Добров!

– Нет, – и вот тут я даже останавливаюсь и соматриваюсь, проверяя последний коридор. – Вот здесь ты ошибаешься. Я как раз здоровый. Это у меня даже документально подтверждено.

– Чего? – она замирает у меня на плече.

– Потом покажу. В машине.

На улице, Кара стоит у чёрного внедорожника с заведённым мотором, курит и смотрит на нас с таким лицом, будто ему показывают дешёвую комедию, а он заплатил за премьеру в Большом.

– Только не говори ничего, – предупреждаю я.

– Я молчу, – отвечает он. – Я вообще тут случайно. Мимо проезжал.

– Лев! – Злата висит у меня на плече вниз головой, и её голос звучит обиженно, будто старший брат не заступился. – Лев, ты же нормальный! Скажи ему!

– Злат, – Кара тушит сигарету и открывает заднюю дверь. – Я три месяца назад был нормальным. Потом встретил твою подругу. Нормальных тут больше нет. Садитесь, пока охрана твоего отца не догадалась, кто здесь заказывает музыку.

Я сгружаю её на заднее сиденье и сажусь рядом. Она тут же отползает к противоположной двери и дёргает ручку.

Но там уже всё заблокировано. Я ж не дурак.

– Аким, – цедит она, кутаясь в шубу, а я тянусь за толстовкой, что осталась здесь. Голым как-то не комильфо разгуливать. Но тут замечаю, что полотенце съехало, и из-под красного меха выглядывает голое плечо. И я снова не могу нормально соображать. – Я сейчас серьёзно. Отнеси меня обратно.

– Нет.

– Мне холодно.

– Печка работает, но Кара, сделает сейчас жарче, – говорю другу, но смотрю исключительно на Злату.

– У меня, блядь, и так салон, как сауна, – ворчит Кара, но печку выкручивает на полную.

– Я в одном полотенце, Аким!

– Я заметил, – честно отвечаю я. – Поверь, я очень заметил.

– У меня там вещи остались! Телефон! Сумка! Документы! – не унимается моя красавица.

– Угу, – киваю и снова окидываю её жадным взглядом.

Она замолкает. Смотрит на меня. И я вижу, как в её светлой, кудрявой, золотистой головке крутятся шестерёнки.

– Ты специально, – медленно произносит она. – Ты специально не взял мои вещи.

– Конечно, специально, – киваю я довольно. – Ты в куртке и в сапогах сбежала бы от меня на первой же заправке. А в шубе на голое тело далеко не убежишь. Минус пятнадцать на улице, куколка. Я не изверг. Я стратег.

– Ты… ты…

– Я, – соглашаюсь я и придвигаюсь к ней ближе. – Ким, Аким, Добров. Можешь звать «любимый», я откликаюсь.

– Я буду звать тебя «покойник»! – взвизгивает она.

Кара на водительском сиденье давится смехом.

– Кара, рули молча, – рычу я.

– Рулю, – отвечает он. – Злата, ты сейчас, кстати, звучишь в точности как твоя подруга. Ей тоже нравится слово «покойник» в мой адрес.

– И чем у вас закончилось? – язвительно спрашивает Злата.

– Пока не закончилось, – говорит он тише. – Я работаю в этом направлении.

И Злата вдруг замолкает. Перестаёт дёргать ручку. Отворачивается к окну, где проносятся новогодние огни города.

А я смотрю на её отражение в стекле. Обиженное, упрямое, красное от злости. И самое красивое, что я видел за свои тридцать семь лет. Даже с поджатыми губами.

Город остаётся позади. Кара довозит нас до заправки на трассе, где под фонарём стоит мой пикап. Я заранее подогнал. Готовился, говорю же. Стратег.

– Всё, дальше сами, – Кара выходит и открывает нам дверь. – У меня планы.

– Шоколадку купи, – советую я ему, вытаскивая Злату, снова подхватывая на руки. – Белобрысые любят шоколад. Мне Злата говорила.

– Я тебе ничего такого не говорила! – возмущается куколка у меня на руках.

– Говорила. Ты много чего говорила, Злата. Я всё запомнил, – уверенно киваю и замечаю, как она прикусывает губу.

А Кара смотрит на меня очень странно. Потом кивает и молча идёт к кассе заправки.

А через две минуты выходит на улицу и в руках тащит две шоколадки. Машет нам на прощание и уезжает.

В пикапе я сажаю Злату на пассажирское и пристёгиваю. Сам. Потому что сама она отказывается и сидит, скрестив руки на груди и вздёрнув подбородок, как королева на эшафоте.

Тянусь за ремнём через неё. И замираю. Потому что она так близко. Пахнет гостиничным шампунем и собой. Тем самым запахом, который я два месяца ловил на свитере, который она забыла тогда на турбазе.

Да, он до сих пор у меня в шкафу. Нет, я это никому не скажу. Даже под пытками.

– Аким, – тихо говорит Злата, и я поднимаю на неё глаза. Совсем близко. – Ты же понимаешь, что папа тебя найдёт.

– Понимаю.

– И убьёт.

– Попробует, – поправляю я свою девочку. – Хотя, он уже пробовал.

– В смысле? – Злата резко поворачивает ко мне голову и моргает несколько раз.

– В прямом, – щёлкаю ремнём и отстраняюсь, пока не сорвался прямо тут, на трассе. – Я приходил к твоему отцу месяц назад. С букетом. Как приличный. Хотел поговорить, попросить разрешения с тобой встречаться. Он же помог нам. Должен же был понять.

– И что? – шепчет она Злата а глазки становятся размером со вселенную.

– И твой добрый папа, с улыбкой на губах, спустил на меня двух доберманов, – говорю я, заводя мотор. – Я так не бегал с тех пор, как… в общем давно не бегал. Через забор. Букет, кстати, остался у доберманов. Надеюсь, им понравилось.

Злата смотрит на меня огромными глазами. А потом закрывает рот ладонью. И я вижу, как у неё трясутся плечи.

– Ты смеёшься? – возмущаюсь я. – Мурова, ты смеёшься надо мной? Я там чуть без штанов не остался!

– Я… я не… – она хрюкает в ладонь, и это самый прекрасный звук на свете. – Доберманы… Это Буся и Пуся… они… они только на вид страшные…

– Буся и Пуся?! – у меня отвисает челюсть. – Меня гоняли по газону Буся и Пуся?!

И она ржёт. В голос, запрокинув голову, держась за живот, как я час назад в номере. Хохочет до слёз.

А я смотрю на неё и понимаю, что пропал окончательно. Окончательно и бесповоротно. Как пацан, которому впервые дала подержаться за руку девчонка из параллельного.

Я женюсь на ней. Сдохну, но женюсь.

_____

Мои дорогие, а история Льва Караева и подруги Вики живёт в книге "Её Лев. Капкан для хищника"

ТЫК СЮДА

ЕЁ ЛЕВ
Капкан для хищника
ЛИНА МАК

Глава 4

Ехать до моего дома осталось час. Сосновый бор, просека, озеро, вокруг на три километра ни одной живой души. Я купил этот дом лет пять назад, когда понял, что от людей иногда нужно прятаться. А последние два месяца я готовил этот дом для одной единственной.

Злата притихла. Сидит, поджав ноги под шубу, и смотрит, как фары выхватывают из темноты заснеженные ели.

– Ты меня в лес везёшь, – говорит она наконец как-то обречённо, а я снова начинаю улыбаться.

Её голос готов слушать вечно.

Не спорю, может мне когда-то и надоест, но я найду способ, как правильно с пользой для двоих сделать так, чтобы мы оба послушали тишину.

Вот зараза. Фантазия – страшная штука. Особенно, когда все её радары настроены сейчас на одну конкретную личность.

– Ага, – только и выдаю Злате, а сам руль покрепче сжимаю, чтобы кровь вернулась в мозг.

Рано пока ей устраивать гонки по телу.

– Ночью, – добавляет куколка.

– Да, – хмыкаю я.

– В шубе Деда Мороза. На голое тело, – перечисляет Злата.

– Ну, полотенце ещё есть. Где-то там, – и я быстро взглянув на мою девочку, киваю ей на ножки. – Если ты не потеряла, – подмигиваю ей, и замечаю, как щечки быстро становятся румяными.

– Аким, это сюжет фильма ужасов, – пищит она, но я вижу, как она носиком зарывается в шубу у воротника.

– Это сюжет новогодней сказки, куколка, – поправляю я и ёрзаю на сидение, как пацан. – «Морозко». Знаешь же такую? Отвезли девицу в лес, а там мужик в шубе. «Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?»

– Там старик был! – возмущается она, но я вижу, как она прикусывает губу.

Так, Ким, руль не виноват. Не ломай его! Но руки со всей силы сжимают его так, что дышать становится тяжело. Я просто не буду думать, что хочу сделать с этими губами, пока не довезу её домой.

Чего она там сказала? Старик.

– Ну, я не старик, конечно, но по сравнению с тобой… – тяну я. – Тебе двадцать семь, мне тридцать семь. МЫ с тобой идеальная пара, – и подмигиваю ей.

– И в «Морозко» девица вернулась домой с приданым! А не… не… – сбивается Злата и ещё сильнее краснеет, а я кайфую.

– А не что? – с интересом спрашиваю я, подталкивая её к ответу.

– Не с маньяком, – буркает она и отворачивается.

Вот мне интересно, она и правда сейчас не понимает, что вижу её в отражении. И то, как её губки растягиваются в улыбке. Моя малышка. Я же тебе всё объясню, но сначала всё же помучаю. Я заслужил. Но сначала всё же сделаю так, чтобы она больше не смела меня блокировать и сбегать.

– Злат, – зову ей и понимаю, что лучше сразу показать ей всё, что подготовил, – давай уже закроем вопрос с маньяками, а то у меня самооценка падает.

Тянусь к бардачку и, не отрывая взгляда от дороги, достаю папку и кладу ей на колени.

– Что это? – она смотрит на папку так, будто там бомба.

– Открой, – спокойно говорю.

Она открывает. Достаёт первый лист. Читает. Медленно поднимает на меня глаза.

– Это… справка из кожно-венерологического диспансера? – спрашивает куколка, но голос у неё становится ещё выше.

– Ага, – уверенно киваю.

– Ты мне. Привёз. Справку, – она повторяет всё, только теперь не как вопрос и смотрит исключительно на лист.

– И ещё анализы, – киваю я, решаю вскрывать всё козыри. – Кровь, флюорография, кардиограмма. Там дальше психиатр, кстати. Подписал, что я вменяемый. Хотя сомневался, когда я ему объяснил, зачем мне справка.

– Ты… – Злата снова перевела на меня огромные глазища. – Ходил к психиатру…

– И к наркологу. И к андрологу, – добавляю я гордо. – Последний вообще сказал, что я «как бык». Вот ей богу, куколка. Там в заключении так и написано. Можешь проверить, третий лист.

И Злата быстро листает. Находит третий лист. И я слышу, как она громко выдыхает «ох».

– «Здоров… как… бык», – читает она вслух. – Аким, тут правда так написано!

– Мужик с юмором попался. Я ему коньяк потом занёс за это, – довольно усмехнулся я.

– Зачем?! – она поворачивается ко мне всем телом. – Зачем ты это сделал?!

И вот тут я перестаю ржать.

Съезжаю на обочину, но не глушу. Печка должна работать. Моя куколка не замёрзнет рядом со мной. Поворачиваюсь к ней и смотрю в самые невероятные глаза.

– Затем, Злата, – говорю я тихо, – что тебе один урод три года врал. Ты мне, тогда в горах сама рассказывала. Что он «задерживался на совещаниях». Что ты потом сдавала анализы и тряслась, пока ждала результаты.

– Ты же спал тогда, – шокировано шепчет Злата, а я довольно улыбаюсь.

– Делал вид, куколка. Рядом с тобой мне вообще не спалось, но же мужик. Должен был сначала вылечить мою девочку, – отвечаю я и замечаю, как она с силой сжимает папу, до побелевших пальчиков.

– И судя по тому, что ты мне сказала за эту суку Крылову, я тоже попал в разряд уродов у тебя. Так что правильно сделал, что подготовился досконально, – добавляю я и вижу, как она снова закусывает губку.

– Аким…

– Дай договорить, – беру её ладонь, и чувствую, насколько она холодная и такая маленькая. – Так что я приехал к тебе не только со словами, но и документальным подтверждением. Сам ведь знаю, что слова в наше время, обесценили. Слишком мало тех, кто держит это самое слово. Так что вот тебе бумаги, с этими грёбанными синими печатями. Я чистый, Злата. И с Крыловой у меня ничего не было, – всё же выдаю я. Не могу смотреть в эти глазки, когда в них собираются слёзы. Мать мою женщину, я пропал. – Флешку у неё отобрал, лифчик ей порвал, когда телефон доставал, по которому она сливала инфу Грому, грешен. Но это была работа. У меня до турбазы никого не было несколько недель, а теперь даже не стоит ни на кого. Вот что ты со мной сделала. Только ты перед глазами. Вот эта рука все подтвердит, – поднимаю свою правую ладонь и показываю ей. – Мозоль, видишь? Можешь даже потрогать.

Злата смотрит на мою ладонь, потом на ладонь и вдруг снова начинает смеяться и плакать одновременно. Некрасиво, хлюпая носом, вытирая глаза краем шубы.

– Ты… ты дурак, Добров… – выдавливает она сквозь слёзы. – Какой же ты дурак… Мозоль… Господи, ты мне мозоль показываешь… – и она снова не договаривает, а краснеет ещё сильнее.

– Показываю, – киваю я. – Как вещественное доказательство. Протокол оформить?

Она бьёт меня папкой по плечу, но мне это как для слона муха. Но почти сразу делает то, что просто взрывает меня. Тянется ко мне и утыкается носом в шею и шумно вдыхает мой запах.

А я сижу и пытаюсь убедить себя, что первый раз у нас должен быть по истине королевским, а не на обочине в лесу. Но продолжаю обнимать мою девочку и не думать, что под моей шубой у неё ничего нет.

– Я всё равно на тебя злая, – бубнит она мне в шею, а я млею

– Знаю, – довольно отвечаю я.

– И я тебе не поверила. Просто… справка очень убедительная, – добавляет куколка, а я мен по коже муравья гоняют, как на хоккее.

– Согласен, – хмыкаю и чуть сильнее прижимаю к себе.

– И я к тебе не вернусь.

– Конечно, – соглашаюсь я, улыбаясь и целую её в висок. – Ты ко мне не вернёшься. Я тебя сам забрал, вообще-то. Если ты не заметила.

– Аким, – она поднимает голову. Глаза мокрые, нос красный, губы припухли. – Если я сейчас серьёзно скажу, что хочу домой, ты меня отвезёшь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.